

1968 год. Москва. Перрон Ленинградского вокзала. Слева «Красная стрела» №2, справа «Красная стрела» №4. Отправление — 23.55 и 23.59. Сажусь в вагон поезда №2. Устраиваюсь в купе и, как всегда, к окну — разглядываю идущих по перрону пассажиров в надежде увидеть знакомых...

Буквально за полсекунды до отправления промелькнула среди уезжающих и провожающих знакомая — мне так показалось — мощная фигура высокого мужчины, чуть ли не на ходу вскочившего в наш вагон... Освещение на перроне весьма скудное, поэтому уверенности в том, что мужчина действительно знаком, у меня не было... Да и не важно, сказал я себе, едем в одном вагоне... Увидимся.

Поезд набрал скорость... Я прошелся по вагону заглядывая во все купе... Нет знакомых. Я к проводнице:

— Дорогая моя, вы не обратили внимания на человека в светлом плаще, выпрыгнувшего в наш вагон почти на ходу?

— Да как же его не заметить! Не знаю, что с ним делать. Ему ведь на 4-й нужно, а он по ошибке к нам пожаловал. Я его, конечно же, впустила, потому как не знала, что он ошибся, да и знала бы — все одно впустила бы... Сам-то он не кто иной, как Николай Константинович Симонов!..

Сердце мое застучало часто-часто. Симонов! Боже мой! Мой кумир! Матиас Клаузен в «Перед заходом солнца» Гауптмана, Протасов в «Живом трупе» Толстого, Петр I в кинокартине... Достаточно видеть эти три работы из сотен других, чтобы стать покоренным его талантом на всю жизнь!

— Где же он, милая, где?!
— В тамбуре стоит. Ждет начальника поезда... Мест нет... Не знаю, чего делать...

Иду в тамбур... Волнуюсь страшно... Стоит титан, смотрит в окошко, что-то пальцем на гряз-

Евгений ВЕСНИК

Публикационная карта. — 2001. — 17 экз. — с. 6

В «Красной стреле» с Николаем Симоновым

ном стекле рисует... (Кстати, не многие знают, что Н.К. Симонов был прекрасным живописцем, но почему-то держал все свои многочисленные работы на холстах взаперти и никому их не показывал! Говорят — стеснялся! Титан — и стеснялся!)
— Николай Константинович!..

Он нервно, резко повернулся ко мне... На меня глянули большие, выразительнейшие, грустные и усталые глаза.

— Да... Я... Что?.. Есть? А?..

Я понял, что речь идет о месте в купе, понял, что принял он меня за начальника поезда.

— Все устроится, не волнуйтесь... Господи, беда-то какая. Ерунда! — успокоил я его.

— Спасибо... Спасибо... Надеюсь... Надеюсь. Ерунда, конечно. А вы, простите, не...

— Я артист Малого театра Евгений Весник.

— Вот-вот... Вижу, знакомое лицо... Батенька! Я ведь вас в «Ревизоре» видел! Вы в Питере были на гастролях. Сколько вам лет, дорогой мой?

— 46.
— А когда премьера состоялась?

— В 66-м году.

— Ну, батенька, — вы рекордсмен. Я ведь всех «городничих» видел и у нас в Александринке, и в

Малом. Честно скажу вам, как на духу — больше всех в этой роли мне понравился ваш артист — Григорьев! Замечательно! Такая органика! Такая глубина и простота при этом! Удивительно! Я его хорошо знал, еще с тех времен, когда он блистал на сцене Казанского театра имени Качалова. Вы по артистической манере очень, очень похожи на Григорьева, поэтому-то и понравились... Очень, очень... А потом, должен вам сказать — поверьте уж мне, старику, — скоро 70! — что в 43 года, то есть в вашем возрасте, никто эту труднейшую роль в императорских театрах не играл... Хлестакова — и того почти что все с брюшком уже играли... Ильинский, например, в 30-х годах даже в корсете играл... А «городничих» обязательно были в возрасте, носатые, хрипатые, басытые, грубые, солдафонистые, глуповатые, громкие... Почему обязательно такие — не знаю... Вы молодец — ваш городничий — со вторым планом, человеческий, порой мягкий! Молодец!

Появился начальник поезда. Предложил нам на двоих четырехместное купе, но в другом вагоне. Благодарственно согласились. Доплата от Титана-безбилетника (начальник наличие билета в поезд №4 учесть никак не захотел, да и по закону не мог) потребовалась небольшая, и, так

как у Николая Константиновича денег с собой не оказалось, я охотно потратился за моего кумира.

— Евгений... Как вас по батюшке?

— Яковлевич, но не надо по батюшке — просто по имени.

— Дорогой мой Женечка, у меня никогда нет денег... Мне их не дают ни на работе, ни дома. И правильно делают — соблазн разного рода велик, когда они хрустят в карманах... Человек я не очень организованный в некоторых исконно русских проявлениях... Но безденежье иногда гнетет. Вот сейчас, например, как хорошо бы и отпраздновать наше новоселье, но...

— Момент! — Я стрелой метнулся из купе в сторону буфета в другом вагоне, работавшего, как и во всех поездах «Красная стрела», всю ночь...

...О! Это была неповторимая, не поддающаяся, описанию железнодорожно-купейная сказочная ночь!

Тихонько «шелестели» стихи; завораживали пластичные руки, потрясающие, выразительнейшие, огромные глаза; рассказы о театрах, актерах, режиссерах, о ролях в кино и в театре. Время бежало незаметно; вздремнули под утро часика на полтора — не более.

Четырехминутная разница во

времени прибытия поездов «Красная стрела» №2 и №4 настолько незначительна, что встречающие их собираются в одно и то же время... Встречавшие Николая Константиновича были на месте.

Я направлялся в гостиницу «Октябрьская», расположенную, как известно, в 100 метрах от вокзала, поэтому распрошались мы с великим артистом прямо на перроне.

...Съемки кончились поздно. В свой номер гостиницы вошел часа в 2 ночи...

Что такое? Кто-то был здесь в мое отсутствие... На столе — бутылка расчудесного коньяка, в большой вазе для фруктов — яблоки, виноград и два конверта. Вскрываю один... «Глубокоуважаемый Евгений Яковлевич! Благодарю Вас за чудесное — увы! — краткое путешествие. Возвращаю Вам должок за железнодорожный билет. Коленопреклоненный Николай Симонов».

Вскрываю второй конверт... В нем — декадный пропуск в ложу дирекции Академического драматического театра имени Пушкина на любой спектакль.

Благодарю судьбу за подаренную мне ночь с гениальным артистом. И за то, что он сел не в свой поезд!!!